

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

СПЕЦНАЗ
ОФИЦЕРЫ

ЧАС
ГЛАДИАТОРА

Спецназ. Офицеры

Сергей Зверев
Час гладиатора

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

Час гладиатора / С. И. Зверев — «Эксмо», 2017 — (Спецназ. Офицеры)

ISBN 978-5-699-95800-9

Подполковник ГРУ Максим Иконников возвращается на родину из очередной командировки, предвкушая теплую встречу с родными. Но у трапа самолета его ожидают автозак и группа захвата. По ложному доносу разведчика обвиняют в дезертирстве и хищении крупной суммы казенных денег. Чтобы доказать свою невиновность, по дороге в СИЗО Максим совершает побег. Однако вместо реабилитации его ждут новые испытания. По воле судьбы боевой офицер становится «куклой» в подпольных боях без правил, организованных высокопоставленными чиновниками.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95800-9

© Зверев С. И., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сергей Зверев Час гладиатора

Глава 1

Одинокaя камерa четыре нa двa с половиной метра. Стол, табурет, топчан. Вся мебель привинчена к полу. Маленькое квадратное окно с решеткой, через которое виден кусочек московского неба.

Максим ходит по камере взад-вперед. Семь шагов в одну сторону, семь – в другую. С трапа самолета из Шереметьево его сразу увезли в Лефортово. Обвинение против него состряпали удивительно быстро: дезертирство плюс незаконное присвоение государственных средств. Первое чувство, которое испытал Максим, было удивление: это какая-то ошибка, меня с кем-то спутали. Однако в ходе зачитывания постановления об аресте, когда он увидел суровые лица судьи, следователя и прокурора и когда понял, что это не случайная ошибка, наступил шок. Это какой-то абсурд! Какое хищение государственных средств?!

После оглашения постановления о заключении под стражу судья, пожилая женщина с застывшим и суровым лицом, задала ему только два вопроса:

– Ваше состояние здоровья в настоящий период?

– Нормальное.

– Есть ли у вас заявления и жалобы по поводу постановления?

– То, что вы сейчас зачитали, – это полная галиматья.

– Обвиняемый, я вас предупреждаю, что подобные заявления в соответствии с уголовным кодексом квалифицируются как клевета в отношении правосудия, что может добавить к вашему сроку еще два года, – холодно заметила судья.

– Есть ли замечания у защиты? – повернулась она к худосочному мужчине-адвокату в очках.

– Никак нет, ваша честь.

– У обвинения?

– Ваша честь, – прокурор в синей форме, – в связи с особым характером данного дела считал бы необходимым судебные заседания в отношении обвиняемого проводить в закрытом режиме.

– Естественно, – судья встала. – Заседание закончено.

И величественно покинула зал заседания.

Максим прошелся по камере еще несколько раз. Сел за стол, сцепил ладони в замок, стал смотреть в дощатый выщербленный пол. Да нет, это недоразумение. Все утрясется, разберутся. В конце концов, в дело вмешается *контора*.

На допрос его повели после обеда. На двери щелкнул железный засов.

– Подследственный Иконников! – грубый голос служителя учреждения. – На выход. – Максим подпрыгнул, пошел к двери. – Руки назад. Лицом к стене.

Максим подчинился команде. Покосился на мужчин в защитной форме. В руках у одного из них был железный прут. Странно, удивился Максим, почему не дубинка?

– Вперед, – приказал выводной конвоир.

Следователь встретил его приветливо:

– Присаживайтесь, Максим Михайлович, – кивнул на табурет напротив стола, – меня зовут Муранов Александр Юрьевич. Я буду вести ваше дело.

Максим кивнул головой, приняв информацию, внимательно посмотрел на сотрудника следствия. Молодой, наверное, лет тридцать, лицо интеллигентное, взгляд умный и какой-то загадочный.

– Максим Михайлович, – следователь достал из тонкой папки листы, исписанные сегодня утром Максимом, – я прочитал описание ваших приключений, – легкая добродушная усмешка, – вы знаете, очень интересно. – Пауза. – Надо отдать должное вашей фантазии и изобретательности. Один бой со стаей шакалов чего стоит!

– Вы мне не верите?

– Нет, – следователь помотал головой, добродушно улыбнулся прямо в лицо подследственного. – Ну, начнем с самого главного, с нападения бандитов на вашу колонну. – Следователь взял из стопки первый лист. – Вот вы пишете: «...После того, как я понял, что наша колонна попала в засаду, я выпрыгнул из машины, достал пистолет, стал вести прицельный огонь по бандитам, ранив или убив одного из них...», – хороший слог! Прямо сценарий для боевика.

– Я ничего не придумал. Все так и было.

– Допустим. Но вот что странно, – следователь подался к Максиму, сощурился. – Все, я подчеркиваю, *все* погибли, а вот вы живы и невредимы.

– Я же написал: после взрыва нашей машины я потерял сознание.

– Возможно. Но нестыковочка, Максим Михайлович. Всех раненых военнослужащих сопровождения бандиты добились, а вас почему-то пощадили. Почему?

– Откуда я знаю? Спросите бандитов.

– Хорошо, пойдем дальше. Вы находились в Идлибе, в самом логове бандитов. Вас там кормили, дали жилье, и вы занимались подготовкой боевиков, то есть бандитов, против которых мы ведем войну...

– Во-первых, не боевиков, а детей-подростков, во-вторых, я занимался с ними физическими упражнениями.

– А-а, вот как это называется. Тогда ответьте мне только честно. За какие такие заслуги Саиф аль Адля, этот махровый бандит, который режет всех христиан, вдруг воспылил благородством и отпустил вас на все четыре стороны?

– Я не знаю, – тихо произнес Максим, – могу только предположить. У него были какие-то трения с полевым командиром Салехом, а тот хотел меня убить.

– А я знаю почему! – громко выкрикнул следователь. Максим уставился на него. – Хотите, я вам скажу свою версию? – вкрадчиво спросил он.

– Попробуйте.

– Вы ехали с нашими журналистами из Латакии в Хмеймим. На вас действительно напали бандиты. Колонну уничтожили. Это подтверждается другими источниками. А дальше произо-

шло вот что. Вместо того, чтобы принять бой и мужественно погибнуть, как боевой офицер, вы трусили, подняли ручки вверх и сдались в плен. Зная, что бандиты не щадят наших пленных, вы решили купить себе жизнь, заплатив миллион долларов Саифу из тайника. Это деньги из нашего бюджета, деньги, которые в это трудное время мы забираем у рабочих, врачей, пенсионеров...

– Бред какой-то.

– Нет, это не бред. Это трусость, проявленная вами на поле боя!

– Не надо бросаться такими штампами, товарищ следователь, – Максим сверкнул на него взглядом.

– Я вам не товарищ, – рявкнул следователь, – а гражданин следователь! Максим Михайлович, – голос следателя снова стал тихим и вкрадчивым, – давайте называть вещи своими именами. По вашей вине наш бюджет потерял миллион долларов. Я вам предлагаю сделку: вы во всем признаетесь, а мы со своей стороны убираем статью «дезертирство» и оставляем только «нецелевое использование государственных средств». Пять лет – срок небольшой. Кровью вы свой позор не смоее, не способны. Так хотя бы напряженным, но честным трудом как-то возместите ущерб...

– Послушайте, вы, гражданин следователь, – Максим сжал кулаки, на его скулах заиграли желваки, – в царской армии за такие слова вызывали на дуэль...

– Охо-хо, – следователь презрительно хохотнул, – только не надо передо мной разыгрывать оскорбленное офицерское достоинство. Лучше подумайте хорошенько. Остыньте, взвесьте все. Времени у нас будет мно-о-го. – На пороге кабинета появился конвоир. – Увести, – коротко бросил следователь и стал аккуратно собирать со стола листы бумаги.

Глава 2

– Здравствуйте, господа бродяги! – Максим, войдя в помещение, громко поприветствовал будущих сокамерников.

– Насчет бродяг – точняк, а вот с господами – перебор, – возразил ему горбоносый пожилой мужчина с черной щетиной до ушей. – Какая статья? Представься.

– Зовут Иконников Максим, шьют триста восемьдесят восьмую.

– Артур, смотрящий по камере. Из военных, что ли?

– Из военных.

– Ну, слава богу, что не из ментов. Вон твоя шконка, внизу, – указал на кровать у самой двери.

Максим бросил матрац на указанное место, сел, огляделся на новом месте, куда его перевели из одиночки. Четыре двухъярусные кровати, стол, две скамейки, умывальник, в углу телевизор. Уже хорошо!

Сокамерники встретили нового сидельца равнодушно. Один читал, двое играли в нарды, один спал, остальные смотрели телевизор. Только горбоносый в углу продолжал внимательно присматриваться к новому соседу.

Максим прилег на кровать. Чувство шока, которое он испытал вчера во время ареста, притупилось. Но ощущение какой-то чудовищной и нелепой ошибки не проходило. Нет, он понимал, что орден ему не дадут, что по головке за плен не погладят. Но он никого не предавал, секретов не выдавал, в плену вел себя достойно. При первой возможности сбежал. Нелепое обвинение в хищении каких-то денег. Каких?! И еще сегодняшняя встреча с адвокатом-назначенцем. Тот с самого начала огорошил его.

– Максим Михайлович, то, что вы написали для следователей, это действительно так и было? – спросил он Максима в начале беседы.

– Конечно, – Максим вскинул удивленный взгляд на адвоката.

– Понимаете, тут у вас некоторая нестыковка.

– Какая?

– Вот вы написали, что попали в Турцию, не имея денег.

– Да, так и было.

– Но в нашем посольстве в Турции вы написали, что вас там ограбили. Значит, деньги у вас были.

– Меня там никто не грабил. Посольские попросили меня написать именно так, чтобы они имели основание посадить меня в самолет.

– А-а, – досадливо крякнул адвокат, – в этом-то и заковыка. Кроме того, вы подозреваетесь в хищении одного миллиона долларов США, которые вам выдали для оперативной работы.

– Я не брал оттуда ни одного доллара.

– А кто же тогда взял? – адвокат выпучил на Максима рачьи глаза и смотрел, не мигая.

– Я не знаю.

– Но вы понимаете, что такой ответ не удовлетворит суд и только укрепит позиции обвинения?

– Но я действительно не брал! – возмущенно воскликнул Максим.

– А кто знал о существовании этого тайника?

– Три человека: я, подполковник Дорофеев и представитель генштаба полковник Каретников.

– Тогда будем продвигать такую версию: деньги изъят Дорофеев.

– Но он не мог взять.

– Почему?

– Я его знаю. Он человек порядочный и такого не мог сделать.

– Э-э, Максим Михайлович, не надо так категорично утверждать, – криво усмехнулся адвокат. – Когда перед человеком лежат деньги, составляющие его зарплату за пятнадцать лет воинской службы... Тут и самая сильная психика может деформироваться.

– А Каретников? Каретникова вы не берете в расчет?

– Каретников вне подозрений.

– Но почему?

– Он после вашего исчезновения сразу же в составе полномочной комиссии организовал выемку из тайника. Я еще не видел, но соответствующий акт составлен.

– Черт знает что такое! – удрученно пробормотал Максим. – Выходит, все стрелки на меня?

– Выходит. Поэтому, исходя из этого, нам надо проработать наиболее оптимальную линию защиты. Например, вы взяли деньги из тайника для каких-то оперативных целей, для работы в Хмеймиме. По дороге туда на вас напали бандиты. Вас контузило, вы потеряли сознание. Бандиты взяли вас в плен, естественно, с деньгами. Поэтому вас и не убили. В этом варианте у вас уже будет не хищение государственных средств, а преступная халатность. И срок за это значительно меньше.

– Чушь какая-то!

– Ну, тогда придумайте сами более убедительную легенду, – усмехнулся адвокат.

– Да ничего я не буду придумывать! – раздраженно воскликнул Максим. – Кстати, вы известили мою жену?

– Да, я ей сообщил. Она обрадовалась, узнав, что вы живы и вернулись, но расстроилась по поводу вашего ареста.

– Я могу с ней увидеться?

– Это сложно. Я сейчас составляю ходатайство на свидание. Не знаю, разрешит ли Муранов.

– А что по работе?

– Там в курсе. Я попросил, чтобы на вас составили характеристику.

– Как они там вообще отреагировали?

– Трудно сказать. Но предполагаю, без особой радости. Как вы сами понимаете, из-за закрытости вашего ведомства у меня контакты с вашим начальством ограничены.

Всю эту беседу Максим прокрутил в своей голове и пришел к выводу, что положение его хреновое, хотя и не совсем безнадежное.

Глава 3

Генерал Плешкунов раскрыл личное дело с грифом «Совершенно секретно». Методично начал перелистывать листы. Копия институтского диплома, анкеты, характеристики, фотографии, представления, отзывы. Все это ему знакомо, все это он читал. Но в конце дела недавно подшит большой конверт с надписью «Материалы служебного расследования в отношении Иконникова М. М.». Ростислав Аверьянович вынул из этого конверта все документы, разложил их на столе, начал изучать.

Прибытие подполковника Иконникова в Москву и его арест сотрудниками ФСБ были как гром среди ясного неба. Многие его уже считали погибшим, а он приехал и угодил в тюрьму. Три дня назад руководство разведуправления получило письмо от фээсбэшников, которым они уведомляли, что их сотрудник арестован по подозрению в злоупотреблении должностным положением, нанесшем значительный ущерб государству. Обвинение строится на показаниях офицера Генштаба Каретникова и на результатах выемки из тайника в Сирии. Странно, подумал Плешкунов, Каретников вместо того, чтобы заняться поиском пропавшего человека, на второй день поехал к тайнику делать выемку. Зачем?! А ну-ка, я позвоню комбригу.

– Марат Рафаилович, извините, что беспокою. – Плешкунов приветствовал армейского офицера как старого друга.

– Здравия желаю, товарищ генерал, – бодро ответил комбриг, – вам не надо извиняться. Если вы звоните, значит, по делу.

– Да, по делу. И все по тому же. Вы ведь выезжали тогда, после гибели журналистов, с военными дознавателями к месту тайника.

– Да, я их сопровождал.

– Скажите, в этой поездке не было ничего странного? Меня интересует в первую очередь поведение Каретникова.

– Да как вам сказать, – небольшая пауза, – он руководителя следственной группы очень просил поехать к месту тайника. Мотивировал это тем, что боится за сохранность большой суммы денег.

– А эта ваша поездка к месту тайника была после того, как он выявлял демаскирующие признаки гарнизона? Помните, вы мне рассказывали?

– Да, действительно. Он выезжал один из гарнизона в ночь перед поездкой всей группы к тайнику.

– Та-ак, уже теплее.

– И еще, товарищ генерал. Он подъехал к месту тайника очень уверенно. Даже не смотрел на схему расположения тайника. Такое впечатление, что он хорошо знал это место.

– Ага-а, – задумчиво протянул Плешкунов, – спасибо, Марат Рафаилович.

– Да не за что. Скажите, Иконникова действительно посадили в тюрьму?

– Не в тюрьму, а в СИЗО. Ведется следствие.

– Ерунда какая-то!

– К сожалению, это не ерунда. Ладно, еще раз спасибо.

– Честь имею.

А вот кто-то ее не имеет, подумал Плешкунов, кладя трубку на аппарат. Некоторое время он напряженно размышлял, затем вслух произнес: «Нет, надо докладывать наверх. Ведь человека могут ни за что упрятать на несколько лет». Поднял трубку телефонного аппарата без наборного диска:

– Товарищ генерал-полковник, разрешите на прием?

– По какому вопросу? – Голос начальника разведуправления раздался рокочущим баритоном.

– По Иконникову.

– Тебе бы надо в адвокаты, Ростислав Аверьянович, – усмехнулся начальник, – если недолго, заходи прямо сейчас.

– Слушаюсь.

В кабинете начальника разведуправления сидел подполковник Дорофеев. Плешкунов поздоровался с ним за руку.

– Не помешает? – шеф кивнул на Дорофеева.

– Нет, ему тоже надо знать некоторые детали. – Плешкунов положил на стол личное дело Иконникова. – Товарищ генерал-полковник, в деле Иконникова много странностей и нестыковок, – начал Плешкунов, – во-первых, это наш сотрудник, и при чем здесь ФСБ? Нарушается принцип подследственности.

– У нас нет своего следствия.

– Но тогда логичней было бы это дело взять себе военным следователям.

– Логичней, – согласился шеф.

– Во-вторых, из материалов расследования усматривается, что Иконников забрал все деньги из тайника, а затем со всеми этими деньгами поехал в небезопасное путешествие совместно с нашими журналистами на брифинг с представителями ВКС. Как-то нелогично. Далее. О деньгах в тайнике знали всего три человека: Иконников, Дорофеев и Каретников. Дорофеев исключается, так как в момент исчезновения денег находился дома, в России. Остаются Иконников и Каретников. Рассматривается только версия Иконникова. А Каретников вне подозрений. Почему? Только потому, что он вовремя составил акт об исчезновении денег? При этом замечу, что с момента нападения бандитов на нашу колонну и до момента вскрытия тайника прошло трое суток. В этот период времени Каретников один выезжал за пределы гарнизона. Это установлено и даже зафиксировано. Но прессуют почему-то одного Иконникова.

– М-м-да, действительно, – начальник управления насупил брови, опустил голову, побарабанил пальцами по столу.

– Разрешите, товарищ генерал-полковник, – вмешался Дорофеев, – я Иконникова знаю давно. Хищение им оперативных денег – это чушь. Он в денежных делах предельно скрупулезен, я бы даже сказал, чистоплюй.

– Хорошо, что вы предлагаете? – начальник разведуправления посмотрел на своих подчиненных.

– Надо прежде всего с ним встретиться, – заявил Плешкунов. – Затем было бы целесообразно подключить к расследованию нашего юриста. И привлечь к делу нормального адвоката. Адвокат-назначенец – это никакая не защита.

– Да, пожалуй, вы правы. Бросить нашего сотрудника в жернова ФСБ неправильно, да и неэтично. Тогда, Ростислав Аверьянович, подберите хорошего адвоката, подготовьте характеристику на Иконникова, а я займусь остальным.

Когда подчиненные вышли из кабинета, начальник разведуправления поднял трубку аппарата ВЧ и попросил оператора: «Мне нужен директор ФСБ». Запустился механизм, который мог спасти разведчика Иконникова.

Глава 4

Максим и Артур за столом пьют чай. Сегодня Максим получил первую передачу от Аллы: печенье, шоколад, чай, кофе, туалетные принадлежности. При виде этой посылки стало теплее на душе. Одновременно мелькнула тревожная мысль: как она там? Одна с детьми. Надо бы написать, чтобы не присылала больше посылки. Здесь еда однообразная, но достаточно сытная. Ей и так тяжело, на одну зарплату.

В камере стало свободней. Двоих сокамерников выпустили, а одного перевели в другую камеру. Так что их теперь пятеро.

Артур – предприниматель. Арестован по статье «Незаконное предпринимательство». Сейчас он рассказывает подробности своего дела.

– ...А какое здесь нарушение? Мы людям делаем скважины на дачах, им хорошо, и нам копейка. Мы не воровали, не грабили. Все документы на лицензию подали год назад. А то, что чиновники нерасторопно работают, так это не наша вина. И ты представляешь, этот чиновник в Администрации говорит мне: «Лимон» на бочку, и я закрываю глаза на твою преступную деятельность». А меня вдруг такое зло взяло: «Вот тебе, – и фигу ему в морду, – а это на закуску!» Ну, он тоже взъярился: «Огребешь по полной». Накатал на меня телегу. Сто семьдесят первая, незаконное предпринимательство в составе организованной группы. Моих ребят под подписку о невыезде, а меня, как бригадира, – на шконку.

– А что, на бурение скважин на дачах нужна лицензия?

– Конечно. Добыча подземных ресурсов. Говорят, скоро и за пользование подземной водой надо будет платить налоги. Вот так... Ты-то как загремел сюда?

– Подставили. Кто-то взял деньги, которые числились на мне. Я даже подозреваю кто.

– Денег-то много?

– Миллион долларов.

– Эх-ма! Это «в особо крупных».

– Следователь намекал мне: можно под залог, два миллиона, ну, и ему сотенку. Только где их взять? – грустно усмехнулся Максим.

– Что, за пятнадцать лет не заработал?

– Нет, не заработал.

– Плохо твое дело, – задумчиво произнес Артур.

– Слушай, – Максим придвинулся к нему ближе, заговорил шепотом, – мне бы надо на несколько дней вырваться на волю. Здесь вообще такое возможно?

– Теоретически возможно, но сложно. – Артур опасливо посмотрел на собеседника. – Если хочешь рвануть, то только отсюда, из ИВС. А из СИЗО даже не пытайся. Там полноценная тюрьма. А зачем тебе это?

– Надо бы встретиться с одним человечком.

– Тихо! – Артур поднял вверх палец, стал напряженно к чему-то прислушиваться. – Кумовские тиски идут.

– Какие тиски? – удивился Максим.

– Уголовники-рецидивисты идут по камерам и собирают дань. Каждый обязан что-то дать: деньги, не меньше пятихатки. Или продуктами, что с воли. Не даешь, тебя избивают. Ты можешь отдать им чай, кофе и шоколад.

– Подожди, а как они могут ходить и собирать. А дежурные у камер на что?

– Так те сами это и организуют. Соберут со всех сидельцев, а потом делят: треть себе, треть начальству, а остальное – прессовальщикам.

– Это же беспредел! – возмутился Максим. – Как в наше время такое возможно?

– Здесь все возможно. Ты вот что, – Артур торопливо достал из своего тайничка тысячу рублей, бросил банкноту на стол, – права не качай, лучше сразу отдай. А то прошлый раз какой-то мухомор в соседней камере начал что-то о правах человека... Ему два ребра сломали. Сейчас мучается мужик.

– Нет, это неправильно. Надо бы разъяснить...

– Ну, смотри, я тебя предупредил.

Лязг открывающегося замка в двери. В камеру вошли три качка в черных майках и татуировках по всему телу.

– Привет засранцам! – развязным тоном произнес один из качков с лысым черепом. – Налог – закон, деньги на кон.

Все сокамерники напряглись, молча встали, бросили на стол, у кого что было. Лишь один Максим остался за столом, молча дул на горячий чай в кружке.

– А это что за фраер? – лысый мордovorот встал напротив Максима. – Особого напоминания захотел?

– Вообще-то мне не нравятся такие игры, я в них не играю, – спокойно посмотрев на быка, Максим взял кружку в руку и отхлебнул из нее.

– Чево-о?! – лысый набычился, с прищуром наклонился к непонятливому сидельцу.

В этот момент Максим плеснул ему горячий чай в лицо. Все дальнейшее произошло, как в быстро прокручиваемом фильме. Бык взревел, схватившись ладонями за обожженное лицо. Максим выпрыгнул из-за стола. Остальные мордovorоты, не ожидавшие такого развития события, начали готовиться к бою, но Максим их опередил. Несколько точных молниеносных ударов, и мордovorоты оказались на полу. Максим схватил быка с обожженным лицом за шею, чтобы вытолкать из камеры.

Но тут вмешалась третья сила. В камеру вбежал вертухай с железным прутом и с размаха попытался ударить непокорного. Но промахнулся. Максим пригнулся, двинул ничего не видящего быка навстречу удару, железный прут опустился на голову стонущего рецидивиста. Тот упал с окровавленной головой. Челюсть у вертухая отвисла. Максим подскочил к нему, припечатал локтем к стене и процедил прямо в лицо: «А тебя, гнида, я в следующий раз убью». И вытолкнул его и остальных татей из камеры.

Сокaмерники Максима стояли онемевшие и испуганные, не могли сказать ни слова. Первым пришел в себя Артур: «Ну, что-то теперь будет...» – и зачем-то начал вытирать подошвой ботинка капли крови на полу.

Глава 5

Майор Сухарев был в том состоянии, которое на языке военных называется «на взводе». Чтобы побороть волнение, он ходил по территории объекта и курил. Сухарева, словно домашняя собачонка хозяина, сопровождал его зам – Косоротов. Подойдя к огромному ангару и докупив очередную сигарету, Геннадий Ипполитович посмотрел, куда бы ее выбросить, но нигде поблизости урны не было.

– Почему здесь урну не поставили? – недовольно спросил он своего зама.

– Дык, Геннадий Ипполитович, у спортивного зала вроде бы не курят, – виновато сообщил Косоротов.

– А спортсмены не люди, что ли?

– Не знаю, никогда им не был...

– И не будешь, – иронично дополнил Геннадий Ипполитович, посмотрев на рыхлую тушу подчиненного. – Поставить здесь урну!

Вошли в ангар, в котором находился спортивный зал. Беговая дорожка по внутреннему периметру, в конце зала спортивные снаряды, в центре – боксерский ринг, рядом квадратная площадка для отработки приемов рукопашного боя. Внешний вид спортивного комплекса начальника удовлетворил. Он пошел в туалет, чтобы выбросить окурок там.

– Косоротов! Это что такое?! – возмущенно заорал Геннадий Ипполитович, показывая на большую кучу строительного мусора у самого туалета.

– Ч-черт, – ругнулся Косоротов, – строители не убрали.

– Убрать! Немедленно!

– Щас, сделаем, Геннадий Ипполитович. Найду кого-нибудь. – Косоротов выбежал из спортзала.

Геннадий Ипполитович вернулся из туалета обратно в зал, насупил брови. Достал сигаретную пачку. Она была пустая. С досадой смял ее, положил в карман. Стал медленно ходить по залу.

Эта должность свалилась на него как снег на голову. После создания новой силовой структуры, Национальной гвардии, его неожиданно вызвали в отдел кадров в штаб военного округа внутренних войск.

– Геннадий Ипполитович, – взгляд знакомого кадровика – значительный и таинственный, – мы тут посовещались в отношении вас... – театральная пауза, – и пришли к выводу, что вы можете занять должность с большим объемом работ, – кадровик посмотрел на майора Сухарева, как председатель правительственной комиссии на космонавта перед вылетом на Марс. Геннадий Ипполитович кивнул головой и судорожно сглотнул слюну. – Послужной список у вас без изъянов, характеристики положительные. Да и... засиделись вы в майорах, – кадровик лукаво улыбнулся в лицо кандидату.

– Да, восемь лет уже, – смущенно проговорил Геннадий Ипполитович, словно это он был виноват в том, что задержался на служебной лестнице.

– Мы хотели бы предложить вам ответственную должность – начальник объекта КОПОС.

– Простите, какого объекта? – Геннадий Ипполитович напрягся и даже подался к начальнику отдела кадров.

– Курсы оперативной подготовки офицерского состава. Новый объект в системе Нацгвардии. Находится в Московской области, правда, далековато, в ста пятидесяти километрах от Москвы. Это бывший санаторий Министерства обороны. Он немного запущен. Надо там будет все подремонтировать, привести в приличный вид. Деньги выделяются большие. Хозяйственная жилка у вас есть. Кстати, как со спортом, дружите?

– Э-э, в молодости занимался легкой атлетикой. Сейчас, правда, уже не так, но форму, так сказать, стараюсь поддерживать. Стреляю периодически в тире...

– Хорошо, – удовлетворенно кивнул кадровик, – но предупреждаю: объект особо режимный. То есть конспирация, легенда прикрытия объекта и все дела. Должность полковничья.

– Простите, товарищ полковник, а какие функциональные обязанности?

– Организация работы объекта. На объект будут приезжать офицеры-оперативники, обучаться, тренироваться. Но ваша главная задача как начальника объекта – принять курсантов, разместить, обеспечить процесс, проконтролировать, предотвратить, ну, и так далее. Работа для вас знакомая. Вы ведь до Москвы служили в Н-ске на должности начальника гарнизона.

– Да, товарищ полковник.

– Так вот, объект федерального значения, должен работать как часы. У вас будут два зама: зам по хозяйности и зам по учебно-тренировочной работе. Зама по хозяйности можете предложить сами. Штат объекта солидный, сто двадцать человек – от дворников и секретарш до инструкторов и психологов. Это не считая охраны. Доверие оказывается вам большое, надеюсь, оправдаете? – начальник отдела кадров сурово посмотрел на кандидата.

– Так точно, товарищ полковник, – четко, по-военному доложил Геннадий Ипполитович и даже хотел подпрыгнуть со стула, но вовремя сдержал себя.

И вот теперь первый экзамен. С минуты на минуту прибудет начальство смотреть объект. Может, сам Золотов приедет. Вроде все нормально: учебные классы, столовая, помещения для проживания курсантов, спортзал, бассейн, административный корпус. Все проверил лично. Косоротов, конечно, исполнительный. Но, как говорится, на подчиненных надейся, а сам не плюшай. Вон, просмотрел мусорную кучу в туалете!

Словно услышав мысли начальника, прибежал запыхавшийся Косоротов:

– Щас уберут! В генеральском зале все приготовлено. А сколько человек приедет, Геннадий Ипполитович?

– Откуда я знаю, – буркнул Геннадий Ипполитович, – представитель из штаба округа, кадровик, начальник строительного управления, какой-то оперативник, еще какая-то шишка из ФСИНа. В общем, человек шесть, не меньше.

– Может, коньячку на стол поставить?

– Ты чего, Фомич? – Геннадий Ипполитович посмотрел на своего зама как на недоумка. – Они что, с тобой пить будут? Соображай немного. Только чай и кофе, и то, если изъявят желание.

– Ну, да, – мгновенно согласился Косоротов.

Начальство приехало после обеда. На трех иномарках в сопровождении полицейской мигалки. Вылезли. Не торопясь, осмотрелись вокруг, словно отдыхающие в незнакомом доме отдыха. Их было шесть человек, здесь Сухарев предугадал точно. Все в штатском. Из них Сухарев знал только начальника отдела кадров и начальника строительного управления. Подлетел к последнему с докладом:

– Товарищ генерал, на вверенном мне объекте...

– Не ко мне, – бесцеремонно прервал его начальник управления, – вот, – указал на высокого блондина в дымчатых очках, – товарищ генерал-лейтенант.

Сухарев быстро исправил ошибку в субординации и доложил блондину, что все регламентные работы на объекте КОПОС проведены и объект в целом готов к эксплуатации. Блондин выслушал доклад с безразличным выражением на лице, и, лишь когда Сухарев закончил стандартной фразой «Майор Сухарев», он скривил губы в легкой усмешке и коротко буркнул: «Подполковник».

– Не понял, товарищ генерал-лейтенант... – растерянно произнес Геннадий Ипполитович.

– Я не успел ему сообщить, товарищ генерал-лейтенант, – мгновенно вставил кадровик, затем повернулся к майору Сухареву: – Золотов сегодня подписал приказ о присвоении вам очередного звания «подполковник».

Новоиспеченный подполковник растерялся и не знал, как реагировать на такую новость. По воинскому этикету он должен был сейчас сказать «Служу Отечеству», но обстановка резко диссонировала с торжественностью момента. Блондин смотрел на административное здание и жевал жвачку, двое штатских закурили и о чем-то тихо переговаривались. Один из них сказал второму: «Надо бы где-то отлить».

Геннадий Ипполитович застыл, все еще держа руку у козырька фуражки, и растерянно молчал. Блондин, заметив комичность ситуации, еще раз усмехнулся, приблизился на два шага к Геннадию Ипполитовичу.

– Вольно, подполковник Сухарев, – подал ему руку для приветствия, коротко представившись: – Кривошеев.

Начальник объекта робко пожал руку высокому чину. Затем Кривошеев подошел к Косоротову, стоявшему в двух шагах от Геннадия Ипполитовича, тоже протянул ему руку. Косоротов вытянулся в струну, отдав честь, представился по-военному:

– Заместитель начальника объекта по хозяйственной части капитан Косоротов, – и так же робко пожал руку заместителю Золотова.

– Ну что, господа офицеры, – лениво произнес Кривошеев, прикрывая ладошкой зевоту, – показывайте свое хозяйство.

Геннадий Ипполитович повел инспекцию по заранее разработанному маршруту: административный корпус, корпуса для проживания командированных офицеров, столовая, бассейн, складские помещения, медпункт, спортивный ангар. Все члены делегации смотрели и слушали Геннадия Ипполитовича рассеянно. За исключением одного неизвестного мужчины.

Это был здоровый, шкафообразный бугай, черты лица – словно вырублены топором, взгляд серых, навывкате глаз – холодный и давящий. Он внимательно слушал Геннадия Ипполитовича, делал у себя в блокноте какие-то пометки. Проходя вдоль каменного забора, остановился, спросил Геннадия Ипполитовича:

– Почему ограждение такое жидкое?

– Не понял, товарищ генерал, – испуганно произнес Геннадий Ипполитович.

– Полковник, – поправил его бугай, – почему такая «колючка» на заборе?

– Как положено, по стандарту, товарищ полковник, колючая проволока в три линии, повернута внутрь...

– Это только для пионерского лагеря, – пробасил бугай и слегка хохотнул. При этом смех его напомнил Геннадию Ипполитовичу рык медведя. – Убрать! Поставьте егозу.

Геннадий Ипполитович растерянно взглянул на Кривошеева, тот только молча кивнул головой, давая понять, что предложение этого бугая надо принять безоговорочно. Следующий вопрос бугая привел Геннадия Ипполитовича в полное смятение:

– Где предусмотрено место для кладбища?

– Я... что-то не понимаю, товарищ полковник, – растерянно промямлил Сухарев.

– Он еще не совсем в курсе по профилю, Алексей Гаврилович, – заметил Кривошеев, затем повернулся к Сухареву. – Оставили свободный гектар, как вас просили?

– Да, товарищ генерал-лейтенант, вон там, – Геннадий Ипполитович показал рукой на дальний пустырь на территории объекта, весь поросший крапивой и полынью.

– Вышек для охраны надо как минимум шесть, – бугай продолжал пугать Геннадия Ипполитовича своими замечаниями, – пришлите мне план объекта, я там все обозначу: вышки для часовых, их сектора, маршруты движения подвижных постов, видеокамеры, прожектора, загон для овчарок. «Лучи», «Шторы», зоны поражения нарушителей, отстойники, оружейная ком-

ната, пункт фильтрации, ну и еще кое-что. – Посмотрел на Кривошеева, – здесь многое еще надо доработать, товарищ генерал.

– Доработаем, – небрежно бросил Кривошеев, выплюнув жвачку.

– А где помещение для «кукол»? – Бугай прилип взглядом к лицу Геннадия Ипполитовича.

После такого вопроса Геннадий Ипполитович и вовсе вошел в состояние прострации и выглядел как студент-двоечник на экзамене у профессора. На помощь пришел начальник строительного управления:

– Геннадий Ипполитович, покажите здание бывшего свинарника.

– Хорошо. – Геннадий Ипполитович повел гостей к бывшему свинарнику, по самые окна вросшему в землю.

Вошли в здание. Геннадий Ипполитович включил свет. Стоваттная одинокая лампочка тускло осветила широкий коридор длиной метров пятьдесят.

– Я здесь только почистил, но ничего не делал, – виновато сообщил Геннадий Ипполитович.

– Вот это правильно, – неожиданно похвалил его бугай. Он прошел до середины длинного коридора, затем вернулся к остальным. – Значит, так, – торжественно сообщил он, – здание под «куклы» подойдет. Хватит человек на двадцать. Каморку для охраны сварганить можно. Клетки подготовим и установим, когда оплатите наш счет.

– Может, предусмотреть столы и шконки, Алексей Гаврилович? – поинтересовался начальник строительного управления.

– Зачем? – бугай вскинул на генерала удивленный взгляд. – Бросите в клетки сена или вон полыни накосите, и достаточно.

– Но проектик-то вы нам подготовите? – ехидно заметил Кривошеев.

– Конечно, но за отдельную плату, – загадочно усмехнулся бугай.

Когда пыль от отъехавшей кавалькады машин опустилась на землю, капитан Косоротов напряженно спросил Геннадия Ипполитовича:

– Дык, че у нас тут будет-то, товарищ май... ой, товарищ подполковник.

– А черт его знает! – растерянно воскликнул Геннадий Ипполитович и достал из кармана пустую пачку из-под сигарет, которую он так и не успел выкинуть в урну.

Глава 6

Белый автозак с синей полосой медленно едет в плотном потоке по улицам Москвы. Максима везут в СИЗО вместе с еще одним заключенным, длинным и худым Муслимом, который сидит напротив и напряженно смотрит на товарища по несчастью. Максим тоже изредка поглядывает на Муслима и подбадривает его взглядом.

После драки и смерти прессовальщика Утюгова Максима перевели в другую камеру. Дело руководство ИВС по-тихому свернуло. При дальнейшем расследовании всплыла бы неприглядная роль сотрудников ИВС да и самого руководства учреждения. А строптивного сидельца побыстрей отправили в СИЗО, от греха подальше.

Перед отправкой Артур проинструктировал Максима:

– Если хочешь соскочить, то лучше во время поездки в автозаке, это единственный вариант. По инструкции в автозаке во время транспортировки в салоне рядом с камерой должны находиться два конвойных. Но у них сейчас не хватает конвойных, поэтому иногда эков сопровождает один человек. Если будет один, можешь попробовать.

– А как лучше это осуществить? – поинтересовался Максим.

– Во время поездки устроишь драку с одним азиком. Мы его проинструктируем. Когда будете драться, конвойный, скорее всего, будет на вас орать, приблизится к решетке, ну, а дальше сообразишь. Парень ты, я смотрю, ловкий.

– Спасибо, Артур.

– Спасибо не кормит. Услуга за услугу. Память у тебя хорошая?

– Не жалуюсь.

– Запоминай, – Артур задрал рукав рубашки, на запястье Максим увидел десять цифр.

Иконников на несколько секунд впился взглядом в цифры, затем закрыл глаза и еще несколько секунд сидел неподвижно.

– Запомнил, – сообщил он и быстро повторил номер телефона.

– Молодец, – восхищенно покачал головой Артур, – Позвонишь моему товарищу, его зовут Роберт, скажешь от моего имени, чтобы он закрыл счет в Газпромбанке и спрятал деньги на фатере.

– Хорошо, сделаю.

– Если удастся соскочить, то сразу рви из Москвы...

– Да нет, у меня еще дела в Москве.

– Учти, что тебя сразу объявят во всероссийский розыск.

– Я знаю.

– Интересный ты человек, – Артур внимательно посмотрел на Максима, – первый раз таких вижу.

И вот теперь Максим готовится к следующему приключению. Хотя эти приключения он не ищет. Жизнь сама их ему подкидывает.

Повезло, что в автозаке их сопровождает как раз один конвойный. Сидит в двух метрах от решетки. Уткнулся в свой смартфон, чиркает по дисплею пальцем. Молодой, с виду здоровый амбал, но Максим интуитивно почувствовал в нем какую-то слабинку. Справлюсь, понял он. Мне бы только схватить его и притянуть к себе, а дальше дело техники.

Автозак повернул направо, поехал быстрее. Так, ну что, пора. Максим встал, пошел на своего попутчика. Азик тоже встал, боязливо посмотрел на Максима. Тот подбодрил его взглядом, дескать, начинай. Азик ударил первым, прямой в челюсть. Максим увернулся от удара, подставив ладонь под кулак противника, но, потеряв равновесие, отлетел к стене. Азик налетел на него снова, но Максим, отбив очередной удар боковым блоком, отбросил противника к противоположной стене.

Дрался азык, надо отдать ему должное, натурально, но неумело. Максим старался не причинить ему больших повреждений, но все равно нечаянно разбил губу. Конвойный в начале драки некоторое время молча смотрел на дерущихся зэков, затем, спохватившись, соскочил со своего места, заорал:

– Прекратить!

Максим схватил азика за грудки, припер его к решетке.

– Я кому сказал – прекратить! – конвоир дернулся к решетке.

Максим увидел его злобное лицо, почувствовал его дыхание. Иконников откинул от себя азика, свободной левой рукой через решетку схватил конвоира за толстое горло, сжал пальцы, второй рукой схватил за плечо. Лицо парня побелело, глаза стали округляться от ужаса и вылезать из орбит. Он стал задыхаться. В его положении надо было просто упереться руками в решетку и оттолкнуться от нее, но он не догадался это сделать.

– Открывай камеру, иначе задушу! – прошипел ему в лицо Максим.

– А-а-х-р-ха! – прохрипел конвоир и стал доставать из кармана ключ.

Он долго тыкал им в замочную скважину, наконец, вставил, повернул. Максим отпустил горло конвоира, резко открыл дверь, снова подскочил к теперь уже безвольному амбалу. Резкий удар ребром ладони по горлу конвоира, и тот кулем упал на пол, потеряв сознание.

Максим пошарил у него в карманах. Забрал смартфон, три тысячи рублей. Пригодятся. Повернулся к азику.

– Ты че делаешь? – в ужасе простонал тот.

– Заткнись! А лучше притворись потерявшим сознание.

Азербайджанец последовал совету.

Так, теперь вылезти из автозака, пока не заехали на территорию тюрьмы. Максим нажал кнопку переговорного устройства с кабиной водителя.

– Что там у тебя? – недовольный голос старшего конвоя.

– Товарищ прапорщик, тут, кажется, зэк очурился. Подойдите, посмотрите.

– Ч-черт, вечно в мою смену...

Автозак остановился. Конвоир вышел из кабины, открыл боковую дверь фургона. В следующую секунду Максим ударил прапорщика, нарушившего должностную инструкцию, каблуком в лоб.

Прыжок из автозака. Оглянулся: на улице – редкие прохожие, никто даже не обратил внимания ни на беглеца, ни на лежащего на земле конвоира. Максим быстро добежал до угла дома, боковым зрением увидел табличку: «ул. Выборгская». Ну что, ноги в руки! Побежал вдоль улицы так, как давно уже не бегал.

Глава 7

Он забежал в парк, пошел шагом, отдышался. Народу в парке было немного. В основном люди преклонного возраста, мамы с детскими колясками. Ну, что, прежде всего услуга Артура. По памяти набрал номер телефона.

– Роберт?

– Да, Роберт. Кто это?

– Вам привет от Артура.

– Понял. Вы кто?

– Он просил: выньте все деньги из Газпромбанка и спрячьте их на фатере. Это все. –

Максим отключил абонента.

Сразу же набрал номер Плешкунова:

– Ростислав Аверьянович, здравствуйте. Вам удобно говорить, никого рядом нет?

– Да, удобно. – Голос генерала Плешкунова звучал несколько напряженно, но ровно.

– Вы можете пробить мне Каретникова: номера телефонов, машин, домашний адрес?

Прямо сейчас.

– Да, смогу.

– Сколько времени вам надо?

– Минут пять.

– Я через пять минут вам позвоню, – Максим отключил абонента.

Прошелся вдоль аллеи, остановился около лавочки, на которой два старичка играли в шахматы. Стал изображать любителя этой игры. В кармане «Прощанием славянки» зазвонил сотовый телефон.

– Записывай! – Голос Плешкунова все такой же ровный.

– Записываю, – Максим приложил телефон к уху и пошел по дорожке.

– Записал?

– Да, записал.

– Ты можешь сказать, что с тобой и где ты?

– Сейчас нет, позднее. Спасибо, Ростислав Аверьянович, – отключил телефон.

Остановился на дорожке, закрыл глаза, шепотом стал повторять только что полученную информацию. Мимо проходила пожилая женщина с жиденькой продуктовой авоськой. Она с опаской покосилась на странного человека с бородой, стоящего посреди дорожки и что-то шепчущего про себя. Обошла его, пройдя несколько метров, обернулась. Странный человек достал из кармана сотовый телефон, бросил его на асфальт, стал топтать. Разбил и выбросил аппарат в урну.

– Ос-споди, каких только придурков не встретишь, – проговорила женщина и ускорила шаг.

Уничтожив таким образом след, по которому его могли найти, Максим зашел в супер-маркет и сделал там довольно странный шопинг: ножницы, два шнурка для ботинок, круглое зеркальце, черные солнцезащитные очки, авторучку, бейсболку с длинным козырьком, одну пачку жвачки, дешевенькую сумочку на длинном ремне.

Выйдя из магазина, подрезал ножницами бороду, придав ей более благообразный вид, надел очки и бейсболку, бросил в рот две подушечки жвачки, не спеша пошел к метро. Через полчаса Максим подошел к территории детского сада, огражденного металлической решеткой. За оградой играли дети. Максим долго всматривался в группу детей в песочнице, наконец, позвал:

– Оксана, Оксана...

Девочка обернулась:

– Вы меня?

– Да, подойди, пожалуйста, ко мне.

Девочка подошла к странному бородатому дяде.

– Оксаночка, девочка моя, ты можешь передать маме записку?

– Да-а, какую записку?

– Сейчас. – Максим достал из кармана пачку жвачки, высыпал на землю все ее содержимое, написал на обертке: «Алла, я жив, я не преступник, люблю тебя». Больше места на обертке не было. – Вот, передай маме, когда она за тобой придет.

– Ладно, пеледам, – девочка взяла записку из рук мужчины, у которого почему-то вдруг заблестели глаза.

Между тем странного прохожего заметила бдительная воспитательница. Она быстро подошла к ограде.

– Вы что тут делаете? – подозрительно посмотрела она на бородача.

– Да... вот... проходил мимо, смотрю, какой хороший у вас детский садик...

– Уходите немедленно, иначе я звоню в полицию.

– Да, да, я ушел.

Максим перешел на другую сторону улицы, а воспитательница взяла Оксану за руку, спросила ее:

– Ты знаешь этого дядю?

– Нет. Он плосил пеледать маме записку.

– Какую записку?

– Вот, – девочка показала воспитательнице обертку от жвачки.

– Это просто обертка от жвачки. Дай сюда!

Воспитательница забрала у девочки обертку, не глядя, выбросила ее в мусорную корзину.

– Дура! – в сердцах воскликнул Максим и застонал.

Глава 8

Начальник городского ИВС ходил взад-вперед по кабинету, как по раскаленной сковороде. Он сжимал челюсти так, что его губы сливались в тонкую нитку, вокруг рта еще четче обозначались дугообразные морщины, а круглое лицо вдруг становилось квадратным.

– И какого ч-черта надо было отправлять их с некомплектным конвоем?! – Он остановился перед сидящим за столом замом по оперативной работе, вперил в него сердитый взгляд.

– Балабанов, начальник пятого СИЗО, просил, чтобы быстрее доставили этого Иконникова. – В отличие от начальника подчиненный выглядел спокойным.

– Балаба-а-анов, – саркастически протянул начальник, – а конвой-то наш! И нам отвечать.

– Да успокойтесь вы, Виктор Абрамович, пока все нормально.

– Да?! – начальник снова резко повернулся к своему заму. – Один зэк накатал на нас жалобу об избиении заключенных, ее через НКО передали в прокуратуру, Утюг, кстати, ваш прессовальщик, после драки в камере откинул копыта, еще один заключенный сбежал по дороге в СИЗО. А вы спокойны, у вас все нормально, – последнюю фразу начальник ИВС поднял так высоко, что она прозвучала с визгливой интонацией.

– Труп мы закроем, я уже знаю, как это сделать... – в этот момент в кармане заместителя запиликал сотовый телефон, оперативник достал его, посмотрел на дисплей, – извините, это важно, – приложил к уху, напряженно посмотрел на начальника. – Не очень хорошая новость, Виктор Абрамович.

– Ну, чего еще?! Давай уж до кучи.

– Позвонила моя связь из СК: завтра к нам прибывает с проверкой комплексная комиссия ФСБ и прокуратуры.

– Прекрасно! – Начальник плюхнулся в кресло, безвольно бросил руки на ручки кресла. – Это контрольный в голову!

– Один умный человек сказал, что во всякой, даже самой поганой ситуации всегда есть как минимум два выхода.

– Какие еще выходы? – тоскливо поинтересовался начальник ИВС.

– Первый, офицерский – застрелиться...

– Вот спасибо! Как это я раньше не додумался!

– Второй – интеллектуальный. Надо всю волну, которая идет на нас, пустить в заранее подготовленное русло. Чтобы нас этой волной не смыло. Я просмотрел дело этого Иконникова, интересное дельце.

– Чего там интересного? Какая у него статья?

– Триста восемьдесят восьмая.

– Солдатик?

– Да нет. Это подполковник, имеет правительственные награды, спецназ ГРУ.

– Тогда понятно, почему он наших остолопов разбросал, как щенков.

– Но вот что странно, обратите внимание: как подполковник в мирное время может оказаться дезертиром? Это первая нестыковка. Далее. Военнослужащий, а прошел мимо военной прокуратуры, и возится с ним ФСБ. Это вторая нестыковка.

– Ну и что из этого следует? – начальник ИВС удивленно смотрел на своего зама.

– А из этого следует, что кто-то его заказал.

– Ну, а нам-то что от этого? Этот заказчик не вытащит нас из дерьма.

– Нет. Но в этой ситуации наш минус можно превратить в плюс.

– Как это?

– В объяснительных мы будем упирать на то, что этот Иконников вообще не должен был попасть в наш ИВС. Как спецназовец и как особо опасный преступник, а это уже бесспорно, он должен был попасть не в общий ИВС, а в спецприемник, в одиночку, с особыми условиями содержания. Кроме того, Утюг, как вы образно заметили, «откинул копыта». И это замечательно!

– Не понял...

– Нам не нужен свидетель, который будет сообщать комиссии про бардак в нашем заведении. А изюминка в этой истории заключается в том, что этот самый Иконников убил Утюга, когда тот разносил по камерам обеды. Дежурный у камеры охотно это подтвердит. Еще пару свидетелей из камеры, я их обработаю, и – как минимум пятнашка этому Иконникову светит. Таким образом, мы можем и себе задницу прикрыть, и фээсбэшникам насолить.

– Хм-м, в этом что-то есть, – начальник ИВС покачал головой, посмотрел на своего зама просветленным взглядом. – И вот еще что, – начальник приободрился, сел прямо в кресле, – надо всю камеру, в которой сидел этот Иконников, разбросать.

– Я это уже сделал.

– И чтобы все сидельцы из этой камеры говорили, что драку начал Иконников и что это он отоварил Утюга.

– Умно мыслите, Виктор Абрамович, – легким подхалимажем шаркнул по самолюбию начальника зам по оперработе, – тогда вся картинка будет выглядеть перспективно для нас и не очень оптимистично для этого Иконникова.

– Все, давай! Действуй! – Виктор Абрамович заметно повеселел и легким движением руки отослал подчиненного перекраивать сценарий произошедшего ЧП.

Глава 9

После работы Алла заехала в ИВС, но там у нее передачу не взяли, сказав, что ее мужа здесь нет. «А где же он?» – удивилась Алла. «Не знаю, – ответил чиновник изолятора, – спрашивайте у своего адвоката». Адвокат по телефону сообщил, что он больше не работает по делу Максима, тому назначен новый адвокат.

Оксану из садика забрала поздно. По дороге домой девочка без умолку рассказывала маме, как она играла в группе с ребятами, за что воспитательница наказала противного Антона, и что они ели на обед. Алла слушала девочку вполуха, размышляя о новом странном факте. Вдруг она услышала, что дочь рассказывает о каком-то дяде, приходившем к ней в детский садик.

– Он был с такой болодой и в челных очках. А потом он высыпал из пачки все жвачки, написал что-то на обелтке и велел пеледать маме записку.

– Какую записку? – наострилась женщина.

– Я не знаю. Воспитательница отоблала записку у меня и сказала, что у чужих дядей никогда не надо ничего блатать.

– Он тебе ничего не сказал больше?

– Нет.

– А как ты с ним разговаривала? Он что, заходил в садик?

– Нет. Он подошел с улицы к огладе и позвал меня «Оксана, Оксана!». Я подошла, а он еще сказал: «Девочка моя, пеледай маме записку». Я записку взяла, а потом подошла воспитательница, велела, чтобы он уходил. Он потом ушел. И он был такой... ну, как Дед Молоз, и у него голос был как у папы.

– О господи, это он! – воскликнула Алла, и слезы брызнули из ее глаз.

Странности на этом не закончились. Поздно вечером, когда она уже уложила Оксану спать, ей неожиданно позвонил Плешкунов и попросил, чтобы она вышла на улицу к его машине.

– Так зайдите ко мне, Ростислав Аверьянович, – предложила она бывшему начальнику Максима.

– Алла Викторовна, будет разумней, если вы сами подойдете ко мне. Моя машина стоит через три дома от вашего, напротив аптеки.

– Ну, хорошо, сейчас подойду.

Одеваясь, женщина недоумевала: в чем секрет такой конспиративной встречи с генералом ГРУ?

Плешкунов был сдержан, но встревожен, это Алла почувствовала сразу.

– Какие новости, Ростислав Аверьянович? – спросила Алла, сев в машину.

– Новость одна, Максим исчез, – тихо сообщил Плешкунов.

– Как исчез, куда исчез?!

– Его потеряли, когда перевозили из ИВС в следственный изолятор. Это все, что мне удалось узнать. Подробности пока никаких.

– Как можно потерять человека, тем более в автозаке с решеткой? Это что, кукла какая-то?

– Алла Викторовна, я действительно ничего не знаю. Из того мизера информации, что у меня есть, я могу строить только туманные версии.

– Какие версии?

– Его могли похитить, он мог сбежать. Его могли куда-то спрятать для своих целей фээ-сбэшники. На такие штучки они мастера.

– Ну, а вы-то что, ГРУ? Такая мощная структура, и не можете в своей собственной стране защитить своего сотрудника.

– Мы не сидим на месте. Шеф сейчас вентилирует вопрос по Максиму через свои каналы в ФСБ. Мы нашли хорошего адвоката. Я через свои связи выясняю, что там произошло в ИВС, где содержали Максима.

– А в чем вообще обвиняют моего мужа? Какое он мог совершить преступление?

– Ему инкриминируют хищение государственных денег в размере одного миллиона долларов.

– Чушь какая-то. Откуда он мог их похитить?

– Это деньги по девятой статье. Ну, в общем, для оперативных расходов.

– Вы сами-то в это верите? – Алла повернулась к генералу и со злостью посмотрела на него.

– Нет, не верю, – произнес Плешкунов и взглянул женщине прямо в глаза. – Алла Викторовна, если он с вами свяжется, скорее всего по телефону, скажите ему, чтобы он вернулся в следственные органы и не натворил никаких глупостей.

– Каких еще глупостей?

– Я не знаю, что он еще может сделать. Предполагаю, что он самостоятельно хочет доказать свою правоту, но использует при этом неоднозначные методы. А это может обернуться против него.

– Господи, да за что же его можно наказывать?! Он был в нескольких горячих точках. Никогда не отказывался от командировок, мне всегда говорил: «Такая у меня работа, Родина требует». А теперь из него лепят преступника, – Алла всхлипнула.

– Успокойтесь, Алла Викторовна. Мы приложим все силы, чтобы восстановить справедливость. У меня к вам просьба или совет, расценивайте, как хотите. Смените симку в своем телефоне.

– Зачем? – Алла недоуменно посмотрела на генерала.

– Так надо. И еще. Если вам позвонит Максим, скажите ему, чтобы он ни в коем случае не подходил к своему дому.

– Вы считаете... – Алла с тревогой посмотрела на генерала.

– Я ничего не считаю. Просто... береженого Бог бережет.

– Хорошо, я сменю сим-карту, и вы получите мой новый номер телефона.

– Вот и прекрасно. Если появится что-то новое, я вам сообщу.

– Спасибо. – Алла вытерла слезы и вышла из машины.

Глава 10

Генерал Каретников въехал на подземную стоянку под домом, поставил свою «Ауди» на привычное место. Он был в приподнятом настроении и напевал мелодию, которую недавно слышал по радио: «Папп-па-пара-папа, папп-па-пара-па...» Генерал не помнил, как называется эта опера, помнил только, что там что-то про сердце красавицы, которая всем изменяет.

Причина хорошего настроения была весома. Сегодня встречался с Пашкой Неверовым, бывшим сокурсником по училищу. Этот в молодости залетный курсантик, оказывается, дослужился до генерала и занимает сейчас нехилый пост – начальник строительного управления Нацгвардии. Встреча была деловая и проходила в его кабинете.

Неверов сделал конкретное коммерческое предложение: необходимы строительные материалы для какого-то важного объекта и бригада строителей на этот объект.

– Понимаешь, Игорь, – объяснил в начале беседы Неверов, – объект особо режимный, кого попало мы туда на работу взять не можем. Кроме того, надо очень срочно. А у тебя такие ресурсы: и стройматериалы, и строители проверенные. Вот я и решил: что я буду бегать искать кого-то? Заключим договор подряда, и нам дело сделать, и тебе премиальные. – Неверов хитро подмигнул ему.

А чего? Сидеть у реки и не напиться? Подряд солидный, тянет миллионов на сто. Если сделать стандартный откат, два процента, то уже пара миллионов. Деньги сами плывут в руки. Лови момент, Игорь!

Игорь Вениаминович вышел из машины и уже собирался нажать кнопку на пульте, чтобы заблокировать дверцы автомашины, как вдруг сзади метнулась тень, и в спину генерала уперлось что-то твердое.

– Одно неосторожное движение или писк, и я пристрелю тебя, – раздался сзади зловеющий шепот, от которого у Игоря Вениаминовича все внутри похолодело.

– Что вам надо? Забирайте деньги, их, правда, у меня немного, тысячи две...

– Садитесь в машину, – приказала «тень», – только медленно, медленно... Не оборачиваться!

Желание обернуться у Игоря Вениаминовича действительно возникло, но он не посмел ослушаться: голос «тени» парализовал волю, к тому же этот голос показался ему знакомым. Они сели в машину: Игорь Вениаминович на водительское сиденье, неизвестный – сзади.

– Дайте мне ваш телефон, – приказал незнакомец. Игорь Вениаминович выполнил требование. – А теперь поговорим.

И тут он узнал его!

– Вы что, сменили профессию, стали грабителем? – Генерал хотел произнести эту фразу саркастически, но вместо сарказма в голосе прозвучали испуг и удивление.

– Угадали, но не совсем, – ответил Иконников, – практикуюсь как стажер-киллер.

После этих слов Максим накинул на шею Каретникова шнур, который медленно стал впиваться в толстую шею жертвы.

– Что вы делаете? – захрипел Игорь Вениаминович и вскинул руки к шее.

Шнур стягивал его все сильнее. Лицо Игоря Вениаминовича пошло красными пятнами, он стал задыхаться, и ужас с новой силой объял его. Однако вскоре шнур ослаб, и Каретников стал жадно глотать воздух ртом.

– Игорь Вениаминович, я не шучу. Я готов вас сейчас задушить. Мне терять нечего. Единственное, что вас сейчас может спасти, – это ваш честный рассказ о том, как вы похитили деньги из тайника в Сирии.

– Я ничего не похищал! – завизжал Каретников.

Шнур снова стал затягиваться на шее генерала. Каретников начал задыхаться, перед глазами пошли красные круги, он почувствовал, что скоро потеряет сознание. Однако удавка вновь ослабла.

– Ответ неверный, – голос Иконникова звучал ровно и холодно, и это ужасало еще больше. – Даю вам последний шанс. Предупреждаю: одно слово неправды, и я вас задушу. Вы верите в это?

– Да, – прохрипел Каретников.

– А теперь соберитесь с мыслями и все подробно расскажите: где, когда и как вы похитили деньги из тайника, и как вы решили отвести от себя подозрение? Вы готовы к исповеди?

– Да.

– Подождите несколько секунд. – Максим взял в правую руку телефон Каретникова, включил запись, четко произнес: – Москва, двадцать шестое августа две тысячи шестнадцатого года. Говорит Каретников Игорь Вениаминович. Пожалуйста, Игорь Вениаминович.

Каретников сделал нервный вздох, начал рассказ.

– Это было в апреле, точно дату не помню. От комбрига восемьдесят второй бригады Мухаметдинова я узнал о нападении бандитов на журналистов, следовавших из Латакии в Хмеймим, в результате которого погибли все журналисты и группа сопровождения. О существовании тайника и его предназначении я знал... в силу своей должности...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.